

Сергей Тейхриб

Екатерина Великая

Сосуд для наследника *Книга 1*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Тейхриб Екатерина Великая. Сосуд для наследника

<https://litres.ru/73987946>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ей двадцать три года. Она семь лет замужем. У нее нет ничего: ни любви мужа, ни денег, ни надежды. Императрица ждет наследника. Еще год — и бесплодную великую княгиню сошлют в монастырь. Навсегда.

Выход один: найти мужчину, который сделает ребенка. Красивого. Здорового. Молчаливого. Такого, кто не задает лишних вопросов.

Сергей Салтыков — идеальный кандидат. Красавец, циник, бес интриги. Он получил приказ соблазнить Екатерину. А она получила приказ — поддаться.

Но когда запретная страсть становится оружием, а тело — полем битвы, возникает вопрос: кто на самом деле кого использует?

Основано на реальных событиях. Исторический роман с элементами политического триллера и психологической драмы. Первая книга цикла о восхождении Екатерины Великой.

Содержание

Глава 1: Фике в мышеловке	4
Глава 2: Бес интриги	32
Глава 3: Первый поцелуй	47
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сергей Тейхриб

Екатерина Великая.

Сосуд для наследника

Глава 1: Фике в мышеловке

Апрель 1752

Апрель в Петербурге выдался обманчивым.

С утра небо затянуло тяжелыми, свинцовыми облаками, и ветер с Невы гнал по набережной колючую взвесь еще не просохшего снега с песком. Казалось, вот-вот разразится буря. Но к полудню тучи разошлись так же внезапно, как и сбежались, и теперь солнце беззастенчиво лгало, заливая золотом фасады Зимнего дворца. Оно било в высокие окна, дрожало в хрустале люстр, играло на позолоченных карнизах и лепных завитушках, превращая огромную резиденцию в сверкающую драгоценность.

Но в маленькой гостиной на женской половине было сумрачно.

Тяжелые бордовые штофные гардины были задернуты только наполовину, отсекая весенний свет, словно его присутствие здесь было неуместно. Великая княгиня Екатерина Алексеевна стояла у окна, прижавшись лбом к холодному

стеклу — настолько холодному, что от дыхания на нем расцветал мутный кружок. Она смотрела во двор, где денщики вели под уздцы двух лошадей, но видела не их.

Она слышала Петра.

Он был здесь же, в комнате, всего в двадцати шагах от нее. Ее супруг, великий князь Петр Федорович, наследник российского престола, сидел на корточках посреди персидского ковра и командовал своим игрушечным полком. Оловянные солдатики — крошечные, но отлитые с удивительной тщательностью пруссаки в синих мундирах — стояли правильными шеренгами на расстеленной карте Берлина. Петр Федорович, длинный и неловкий, с кукольным лицом, на котором воспаленными точками горели голубые глаза, водил указательным пальцем по условным линиям и тихо, почти ласково, бормотал:

— Первый батальон — заходить справа. Третий — прикрывать фланги. А теперь... — он замер, щелкнул языком, имитируя выстрел, — бах!

Солдаты с поднятой саблей опрокинулся на бок, подмяв под себя крошечное знамя.

Екатерина медленно повернулась. Ей было двадцать три года, но в этом сумраке, с заплетенными в тяжелую косу пепельными волосами, в простом домашнем платье цвета слоновой кости — с минимумом кружев, без бриллиантов, — она казалась старше. Усталость въелась в уголки ее губ, спряталась в тенях под карими глазами. Она смотрела на мужа и

чувствовала привычную, отупляющую пустоту в груди.

«Уже практически семь лет, как я в этой мышеловке», — подумала она без всякой горечи, потому что горечь уже давно превратилась в камень.

Она попыталась заговорить.

— Ваше высочество, — голос у Екатерины был низким, с легкой хрипотцой, которую она научилась прятать под маской почтительности. — Сегодня императрица прислала справиться о моем здоровье. В третий раз за эту неделю.

Петр Федорович не поднял головы. Он переставлял другого солдата с места на место, добиваясь идеального, по его мнению, интервала.

— Здоровье? — переспросил он рассеянно. — А ты больна? Ты выглядишь вполне... здоровой. Кровь с молоком, как любят говорить эти старые дуры.

Он усмехнулся собственной шутке, тронув тонкие губы.

Екатерина сделала шаг вперед. Ее домашние туфли бесшумно ступали по ковру.

— Императрица Елизавета, — продолжила она, четко выговаривая каждое слово, — уже семь лет ждет от нас с вами наследника. Вы знаете это не хуже меня.

При слове «наследник» Петр замер. Его тонкие пальцы, унизанные кольцами с дешевыми стекляшками (бриллианты он проигрывал в карты), зависли над фигуркой Фридриха Великого.

— А, вот ты о чем, — протянул он и, наконец, поднял

лицо.

Он был красив той неживой, фарфоровой красотой, которая раздражала Екатерину с первого дня их встречи. Тонкие черты, бледная, почти прозрачная кожа, высокий лоб. Но глаза... глаза были пустыми. В них не было ни ума, ни страсти, ни даже простого интереса к тому, что происходило вокруг. Только детская радость от игры и злое, ревнивое удовлетворение, когда он мог кого-то унижить.

— Наследник, — повторил Петр, вставая с колен. Он чуть выше жены и весь какой-то нескладный: ноги тонкие, плечи узкие, руки болтаются, как плети. — Тысячу раз слышал. Моя тетушка... Елизавета... Она просто одержима этим. Как курица на насесте.

Он прошествовал к столику с графином и плеснул себе полстакана венгерского. Выпил залпом, не закусывая, и сморщился.

— Ты хочешь ребенка? — спросил он вдруг, глядя на нее поверх стакана. В его голосе сквозила та же интонация, с какой он спрашивал денщика: «Ты хочешь каши?» — безразлично и с ноткой брезгливости.

Екатерина выдержала его взгляд. Ее лицо оставалось спокойным, но внутри, где-то в солнечном сплетении, заворочался холодный ком.

— Я хочу выполнить свой долг перед Российской Империей, — ответила она ровно. — Мы оба знаем, что без наследника наш брак теряет смысл.

— О, смысл! — Петр хохотнул, бросил взгляд на своих оловянных солдатиков. — Какой в нем смысл? Этот брак... — Он махнул рукой в ее сторону, как отгоняют муху. — Ты мне не жена. Ты — немецкая принцесса, которую привезли сюда, потому что у тетушки кончились идеи. Фике. Фике из ниоткуда.

Фике.

Он нарочно произнес это прозвище — унижительное, уменьшительное, лагерное. То самое, которое она ненавидела больше всего на свете. Так ее звали в Штеттине, когда она была просто Софией Августой Фредерикой Ангальт-Цербстской — нищей девочкой из обедневшего княжеского рода, которую мать водила по чужим замкам в надежде пристроить замуж. Фике. Дурочка Фике.

— Я приняла православие, — сказала Екатерина медленно, сдерживая дыхание. — Я стала Екатериной Алексеевной. Я выучила ваш язык. Я... — Она запнулась, потому что в горле пересохло. — Я семь лет терплю это.

Она повела рукой вокруг — на солдатиков, на разбросанные карты, на небранную постель, где они так и не спали вместе уже пятый месяц.

Петр Федорович склонил голову набок, как птица. Его губы растянулись в улыбке — не злой, нет, скорее недоуменной.

— Ты терпишь? — переспросил он. — А что, тебя кто-то бьет? Или морит голодом? У тебя есть свои покои, свои

слуги, свои платья. Ты можешь ходить на балы, есть сколько хочешь, читать свои французские романы. Чего еще желать?

«Желать, чтобы меня уважали», — подумала она. «Чтобы муж не ставил мне рожки за спиной. Чтобы я не была посмешищем всего двора. Чтобы меня не называли бесплодной».

— Ваше высочество, — произнесла она вслух другим тоном, холодным и вежливым. — Вы, когда в последний раз были в моей спальне?

Вопрос повис в воздухе, острый и неприличный. Даже лакеи у дверей, кажется, замерли.

Петр Федорович поморщился, как от зубной боли.

— Боже мой, Екатерина, какие же вы, женщины, скучные, — сказал он с искренним сожалением. — Тебе лишь бы кого-то родить. А я, знаешь ли, не бык. У меня есть другие интересы. Гораздо более... — он покосился на солдатиков, — ...интересные.

Он снова повернулся к ней спиной и опустился на колени перед своим оловянным войском.

— Иди, погуляй, — бросил он через плечо. — Подыши воздухом. А я тут... у меня битва под Кунерсдорфом.

Екатерина стояла не двигаясь. В груди росла тяжесть — такая знакомая, что она почти перестала ее замечать. Боль, которую заглушаешь, но которая никогда не уходит. Отчаяние, которое стало привычкой.

Она развернулась на каблуках и вышла в коридор, плотно закрыв за собой дверь.

Воспоминание пришло само собой, без спроса, как приходит старая, надоевшая боль в суставе перед дождем.

Семь лет назад. Июнь 1744 года. Москва.

Она стояла на коленях в Успенском соборе, и от ладана у нее кружилась голова. Тяжелая парчовая мантия на плечах давила так, что хотелось скинуть ее и закричать. «Верую и исповедую...» — произносила она слова православного символа веры, и язык, еще не привыкший к твердым славянским звукам, спотыкался, но она не сбивалась.

Фике было шестнадцать. Она была тощей, долговязой, с острыми коленями и вздернутым носом. Мать, Иоганна, стояла позади и, наверное, кусала губы от страха — каждый неверный шаг дочери мог стоить им обеим головы. Но Фике не боялась. Или боялась, но так глубоко, что научилась этого не показывать.

Она смотрела прямо перед собой, на черную бороду и золотую ризу священника, и думала: «Я стану русской. Я стану одной из них. Я выучу их язык, я приму их Бога. Я сделаю это, потому что назад пути нет».

Когда церемония закончилась, императрица Елизавета — тогда еще молодая, прекрасная, в платье с открытыми плечами, усыпанном бриллиантами — подошла к ней и поцеловала в обе щеки.

— Екатерина Алексеевна, — произнесла она громко, чтобы слышали все, и в голосе ее звучало что-то материнское,

теплое, чего Фике никогда не слышала от своей родной матери. — Добро пожаловать в семью.

За спиной императрицы стоял Петр. Ему было пятнадцать, и он смотрел на свою невесту с таким выражением, словно перед ним поставили тарелку с невкусным супом.

— Хорошо выглядит, — сказал он, когда Елизавета отошла. — Только бледная очень.

Это были первые слова, которые он сказал ей как жених.

— Я волнуюсь, ваше высочество, — ответила она, улыбаясь самой очаровательной улыбкой, на которую была способна.

Петр пожал плечами.

— Чего волноваться? Всё равно все уже решили за нас.

Он отвернулся и начал рассматривать иконостас, но Фике — уже не Фике, теперь Екатерина — увидела в его профиле что-то детское и незащищенное. И ей стало жаль его.

«Ничего, — подумала она тогда. — Я смогу его полюбить. Я смогу сделать так, чтобы он меня полюбил».

Какая же она была дурочка.

Апрель 1752. Зимний дворец. Те же самые коридоры.

Екатерина шла по анфиладе комнат, и ее собственные шаги казались ей чужими. Левая рука касалась стены — холодного, влажного мрамора, — и это прикосновение возвращало ее в реальность.

Вокруг сновали слуги. Лакеи в ливреях, девки-сенники с

охапками белья, пожилой камер-лакей с подносом, на котором дымилась чашка шоколада. Все они кланялись, приседали, шептали: «Ваше высочество... ваше высочество...»

Но Екатерина видела их лица. Она научилась читать чужие мысли по глазам.

«Бесплодная», — читала она во взгляде молодой горничной, которая слишком долго задержалась на ее плоском животе.

«Нищая», — шептали глаза старого камердинера, который знал, что ей даже нечем заплатить ему за верную службу.

«Скоро отправят в монастырь», — сквозило в улыбке фрейлины, которая присела слишком низко, словно прощаясь.

Дворец был огромен. Он был лабиринтом, в котором Екатерина блуждала уже семь лет, но так и не нашла выхода. Бесконечные переходы, лестницы, залы, гостиные, опочивальни. Везде золото, везде зеркала, везде собственное отражение — уставшая женщина с потухшими глазами.

Она вошла в свою приемную. Здесь пахло воском и пылью от засохших букетов, которые никто не менял уже неделю. На столе лежала раскрытая книга — Вольтер, «Философские письма». Екатерина читала ее уже третий раз, потому что в этом мире книг она могла забыть о мире людей.

Она села в кресло у камина, поджала под себя ноги и уставилась на огонь. Пламя лизало поленья, угли потрескивали, бросая на лицо танцующие тени.

«Я — декорация, — подумала она вдруг с холодной, кристальной ясностью. — Я — портрет на стене, который вешают, когда приходят гости, и снимают, когда никого нет. Я — кукла, которую посадили за стол рядом с другой куклой — Петром — и ждут, когда мы сами начнем размножаться».

В дверь постучали.

— Ваше высочество, — раздался голос камердинера. — Статс-дама Чоглокова просит вас уделить ей минуту.

Екатерина вздрогнула. Мария Симоновна Чоглокова, жена обер-гофмейстера, была правой рукой императрицы в вопросах двора. Если она пришла сама — без приглашения, без предупреждения — значит, случилось нечто важное.

— Пусть войдет, — сказала Екатерина, выпрямив спину и подобрав ноги. Она успела скинуть с лица маску усталости и натянуть другую — вежливого, чуть скучающего спокойствия.

Дверь открылась. Чоглокова — женщина лет тридцати пяти, с тяжелым подбородком и маленькими, умными, как у хорька, глазками — вошла не одна. За ней семенил секретарь с папкой в руках.

— Здравствуйте, ваше высочество, — Чоглокова присела в реверансе, но в ее тоне не было и тени почтения. Она была посланницей. Глашатаем.

— Добрый день, Мария Симоновна, — ответила Екатерина. — Что привело вас в такую рань?

Чоглокова оглядела комнату. Ее взгляд прошелся по неуб-

ранной постели, по пятнам на ковре, по пыли на шкафу, и она едва заметно поморщилась. «Неряха», — говорил этот взгляд.

— Ее императорское величество, — начала она, сделав ударение на каждом слове, — повелела передать вам, что её терпение...

Чоглокова запнулась, подбирая слово.

— ...истощилось.

Екатерина не шелохнулась. Только пальцы, лежащие на подлокотнике кресла, побелели.

— А конкретнее? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Чоглокова подошла ближе. Она села на стул напротив — без спроса, что само по себе было неслыханной дерзостью — и уставилась на великую княгиню своими блестящими, немигающими глазами.

— Конкретнее, ваше высочество, — сказала она вполголоса, так, чтобы секретарь за дверью не слышал, — императрице нужен наследник. Нужен срочно. Ей не нужны отговорки, не нужны болезни, не нужны ваши... мигрени. Ей нужен ребенок.

— Я делаю, что могу, — ответила Екатерина. Холод разливался по груди, превращаясь в лед. — Но вы сами знаете... великий князь...

— Великий князь, — перебила Чоглокова, и в ее голосе проскользнула неприкрытая грубость, — это отдельный раз-

говор. Им займутся. Вы, ваше высочество, должны думать о себе.

Она наклонилась еще ближе — так близко, что Екатерина почувствовала запах лука и старых духов.

— Если в ближайший год, — прошептала Чоглокова, — наследник не появится... Елизавета Петровна сказала мне дословно: «Сосуд должен быть заполнен или выброшен». Вы понимаете, о чем я?

Екатерина поняла.

Она поняла всё: монастырь, ссылку, позор. Возвращение в Германию — нет, не возвращение, потому что возвращаться было некуда. Мать умрет от стыда. Отец отречется. Братья отвернутся. Она останется ни с чем — без титула, без денег, без будущего.

«Сосуд», — повторила она про себя это слово. Оно было чудовищным. Оно сводило ее — человека, женщину, великую княгиню — к роли глиняной миски.

— Я понимаю, — сказала Екатерина вслух. Ее голос был ровным, даже слишком ровным. — Передайте ее величеству, что я сделаю всё от меня зависящее.

Чоглокова кивнула, удовлетворенная.

— Это хорошо, ваше высочество, — сказала она, вставая. — Потому что, если вы не сделаете, за вас это сделают другие.

Она повернулась и вышла, оставив за собой шлейф запаха и тяжелой, гнетущей тишины.

Екатерина сидела не двигаясь. Лед в груди растекся по всему телу, сковал руки, ноги, даже лицо. Она не могла пошевелиться. Не могла дышать.

«Сосуд, — снова зазвучало в голове. — Сосуд для наследника».

Она закрыла глаза.

Кабинет императрицы Елизаветы Петровны находился в противоположном крыле дворца, и попасть туда можно было только через анфиладу парадных залов, каждый из которых был больше предыдущего.

Чоглокова шла по этим залам, цокая каблуками по наборному паркету, и чувствовала себя мышью в золотой клетке. Стены, обитые французским шелком, зеркала в тяжелых рамах, плафоны с росписью на мифологические сюжеты — всё это было красиво, но давило. Давило своей роскошью, своей историей, своей властью.

У дверей кабинета стояли два гвардейца в высоких шапках. Они расступились, пропуская статс-даму, и один из них — молодой, с багровым шрамом на щеке — распахнул тяжелую дубовую дверь.

Кабинет императрицы был единственным местом во дворце, где можно было почувствовать себя не на параде, а дома. Здесь было тесно. Столы ломились от бумаг, на подоконниках стояли горшки с геранью, в углу лежала старенькая, вылинявшая лежанка для собак. Императрица не выно-

сила холода, поэтому в камине пылал огонь, и в комнате было жарко, как в бане.

Елизавета Петровна сидела в кресле у окна, спиной к свету, так что лицо ее было в тени. Чоглокова видела только силуэт — пышные юбки роброна, кружевной чепец, тяжелые руки с кольцами, лежащие на подлокотниках.

— Вошла? — спросила императрица глухим, простуженным голосом. — Подойди.

Чоглокова приблизилась, присела в поклоне и замерла, опустив глаза.

— Говори, — велела Елизавета.

— Я передала ваше повеление великой княгине, — сказала Чоглокова, не поднимая взгляда. — Она... приняла его к сведению.

— К сведению? — Императрица хмыкнула. — Я не для того тебя посылала, чтобы она принимала что-то к сведению. Я посылала тебя, чтобы ты вбила это в ее пустую немецкую башку.

В голосе Елизаветы не было злобы. Была усталая, тяжелая брезгливость.

— Она поняла, ваше величество, — сказала Чоглокова. — Более чем.

— Надеюсь, — Елизавета пошевелилась в кресле, и Чоглокова наконец смогла разглядеть ее лицо.

Императрице было сорок два года, но выглядела она на все пятьдесят. Когда-то прекрасная, свежая, с румянцем во

всю щеку и глазами, полными огня, теперь она превратилась в увядающую, одутловатую женщину с мешками под глазами и вечно недовольным ртом. Последние годы не красили Елизавету. Бессонные ночи, карты, вино, бесконечные приемы — всё это оставило на ее лице глубокие, нестираемые следы.

Но власть — власть не ушла. Она горела в этих маленьких, навывах, глазках. Она чувствовалась в каждом жесте, в каждом слове.

— Ты знаешь, Мария, — заговорила Елизавета, барабанив пальцами по подлокотнику, — почему я до сих пор не отравила этого ублюдка Петра в монастырь и не женила его на ком-нибудь поприличней?

Чоглокова молчала. Такие вопросы не предполагали ответов.

— Потому что мне не нужен скандал, — ответила императрица сама на свой вопрос. — Мне не нужны разговоры при дворах, что Романовы вырождаются. Мне нужен... — она запнулась, потерла переносицу, — ...мне нужен вид, что всё идет своим чередом. Что у нас есть наследник. Что династия продолжается.

Она резко подалась вперед, и свет упал на ее лицо, осветив глубокие морщины вокруг губ.

— Но проблема, Мария, в том, — продолжала Елизавета, понизив голос до свистящего шепота, — что Петр — не мужчина. Не в том смысле, что у него нет, — она сделала неприличный жест внизу живота, — а в том, что он не хочет

им быть. Он предпочитает своих оловянных солдатиков живой жене. А ведь ему двадцать четыре!

— Ваше величество, — рискнула вставить Чоглокова, — может быть, всё дело в том, что она ему... не нравится?

— Не нравится? — Елизавета фыркнула. — А кому она вообще должна нравиться? Это не вопрос нравится — не нравится. Это вопрос долга. Она взяла деньги, она взяла титул, она взяла корону. Пусть теперь отрабатывает.

Императрица замолчала. Какое-то время она смотрела на огонь, потом перевела взгляд на Чоглокову.

— Доктора, — сказала она тихо. — Те, которым я плачу, чтобы они молчали, подтвердили: у Петра «нестроение». Он может, но... не хочет. Или не умеет. А может, и то, и другое.

Чоглокова знала об этом. Весь двор знал, хотя вслух никто не говорил. Семь лет брака — и ни одной беременности. Екатерина спала одна, в то время как ее супруг развлекался с фрейлинами, но как-то странно, не по-настоящему, больше для вида, чтобы доказать себе, что он может.

— Поэтому, — Елизавета подняла указательный палец, униженный тяжелым сапфиром, — мы будем действовать иначе.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

— Ты найдешь ей мужчину, — сказала она так же спокойно, как если бы речь шла о покупке лошади. — Здорового, красивого, желательно из хорошей семьи. Который сможет сделать свое дело. И который не будет болтать лишнего.

Чоглокова вытаращила глаза. Даже ей, привыкшей ко всему, это показалось чересчур.

— Ваше величество... — начала она, но императрица оборвала ее взмахом руки.

— Не делай вид, что ты не поняла, Мария. Я не дура. Я знаю, что при дворе говорят. Про меня, про мою молодость. — Елизавета криво усмехнулась. — Да, у меня были любовники. Да, я не была святой. Но я родила своего ребенка? Нет. И это моя беда.

Ее лицо исказила гримаса боли — такая быстрая, что Чоглокова не была уверена, что не почудилось.

— Я не допущу, — продолжила императрица с нарастающей жесткостью, — чтобы моя династия прервалась. Петр не сможет. Значит, пусть поможет кто-то другой. Главное, чтобы Екатерина забеременела. Мальчик. Нам нужен мальчик.

Чоглокова молчала, переваривая услышанное.

— А если она не захочет? — спросила она наконец.

— Захочет, — отрезала Елизавета. — Я знаю эту девушку. Она умна. Она понимает, что без ребенка она — никто. Монастырь или ссылка. Она не дура, чтобы выбирать монастырь.

Императрица откинулась на спинку кресла, закрыла глаза.

— Подбери кого-нибудь, — сказала она устало. — Только без дураков. Никаких скандалов. Никаких разговоров. Всё должно выглядеть так, как будто это... естественно.

— А великий князь? — спросила Чоглокова.

— А что великий князь? — Елизавета открыла глаза. В них была сталь. — Если он не хочет исполнять свой долг, пусть хотя бы не мешает. И не задает глупых вопросов.

— А если задаст?

— Если задаст, — императрица помолчала, — я отвечу. У меня есть кое-что, что может его заинтересовать.

Чоглокова не стала уточнять. Она знала, что у Елизаветы всегда есть «кое-что» для всех.

— Будет исполнено, ваше величество, — сказала она, кланяясь.

— Ступай, — махнула рукой императрица. — И помни: время не ждет. Через год наследник должен быть в колыбели, иначе...

Она не закончила. И не надо было.

Чоглокова вышла из кабинета, тихо притворив за собой дверь.

В коридоре она остановилась, прислонилась спиной к стене и перевела дух.

«Самца подобрать, — подумала она с отвращением и восхищением одновременно. — Как племенному жеребцу. Боже, что за времена».

Она поправила чепец и зашагала по коридору, перебирая в голове кандидатуры. Кто из молодых кавалеров достаточно красив, достаточно глуп и достаточно честолобив, чтобы согласиться на такое?

Кого можно будет потом сплавить в ссылку, когда он сде-

дает свое дело?

Кто умеет держать язык за зубами?

Уже на лестнице ее осенило.

«Салтыков, — подумала она. — Сергей Салтыков».

И улыбнулась.

Екатерина не выходила из своей спальни до вечера.

Она лежала на кровати, глядя в потолок, и считала лепные розетки. Их было сорок шесть. Она знала это, потому что считала их уже много раз — в бессонные ночи, в часы отчаяния, в минуты, когда хотелось выть от тоски.

Сорок шесть розеток. Семь лет. Один муж.

Ни одного ребенка.

Она перевернулась на бок, подтянула колени к груди и обхватила их руками. Поза эмбриона. Поза защиты. Поза ребенка, который боится мира.

«Монастырь», — думала она. — «Старые каменные стены, холодные кельи, пост, молитвы. И никакой надежды. Никогда».

Она слышала, что бывает в монастырях с опальными царицами. Их морили голодом, их били, их держали в подвалах, пока они не сходили с ума. Екатерина I — бабка Петра — умерла в монастыре, забытая всеми, проклиная день, когда согласилась на корону.

«Я не хочу умирать в монастыре», — сказала себе Екатерина.

Она села, откинула волосы с лица и оглядела свою комнату. Простую, бедную, почти нищенскую по сравнению с покоем императрицы. Потертый ковер, дешевый фарфор на столике, книжный шкаф, который она сама сколотила из досок, потому что не могла просить у мужа денег на новый.

Она была великой княгиней, женой наследника престола, но в ее кошельке порой звенело меньше серебра, чем у любой прачки.

Петр проигрывал казну в карты. Елизавета дарила бриллианты фаворитам. А Екатерина сидела в своей норе и ждала подачек, как собака.

«Хватит, — сказала она себе не голосом, а каким-то другим, глубинным, животным инстинктом. — Хватит быть жертвой».

Встала с кровати, подошла к зеркалу — мутному, с пятнами, потому что слуги забывали его протирать — и посмотрела на свое отражение.

Из зеркала на нее смотрела молодая женщина с красивыми, умными глазами и твердым, решительным ртом. Волосы растрепались, щеки горели, на шее проступила красная сыпь от нервов. Но Екатерина видела не это.

Она видела силу.

Она видела ту, которой она могла стать.

— Ты умна, — прошептала она своему отражению. — Ты умнее их всех. Ты сможешь. Ты должна.

Она отвернулась от зеркала, подошла к шкафу и достала

из него платье — то самое, которое берегла для особых случаев: темно-зеленое, с золотым позументом, с глубоким декольте, которое она обычно стеснялась носить.

— Ты пойдешь на бал, — сказала она себе, разворачивая платье на кровати. — Ты будешь улыбаться. Ты будешь танцевать. И ты выберешь себе мужчину, который спасет тебя от монастыря.

Она говорила это вслух, потому что боялась, что, если не прозвучит это в голос, мысль исчезнет, рассыплется, как дым.

— Это не измена, — продолжала она шептать, натягивая чулки. — Это выживание. Петр сам отказался быть моим мужем. Императрица сама сказала: «Сосуд должен быть заполнен». Ну что ж. Я наполнюсь. Но на своих условиях.

Она подошла к рукомойнику, ополоснула лицо ледяной водой и принялась заплетать косу.

Ее руки дрожали. Но не от страха — от первого в этой жизни вздоха свободы.

«Я буду жить, — подумала она, вкалывая шпильки в волосы. — Я буду чувствовать. Я буду любить. Даже если это будет ложь. Даже если это будет игра. Я буду жить, черт возьми».

Она усмехнулась своим мыслям. Грубое, русское ругательство прозвучало в ее устах так естественно, словно она родилась с ним.

— Позвать фрейлин! — крикнула она в дверь.

Послышалась суета, топот ног. Дверь открылась, и вошли две молодые девушки с корсетами, кружевами и лентами.

Через час Екатерина была готова.

Она стояла посреди комнаты, расправив плечи, и смотрела в зеркало уже без прежней брезгливости. Темно-зеленое платье облегло тонкую талию, кружевной воротник прикрывал шею, глубокий вырез открывал грудь, которую она раньше считала слишком маленькой. Теперь ей казалось, что это — не недостаток, а оружие.

В ушах — маленькие жемчужины, подаренные матерью семь лет назад.

На губах — легкая улыбка.

— Ваше высочество, — сказала старшая фрейлина, Катя, робко, — вы сегодня... прекрасны.

— Я всегда была прекрасна, — ответила Екатерина. — Я просто этого не замечала.

Она взяла со стола веер, раскрыла его и, не оглядываясь, вышла в коридор.

Бал был в честь возвращения графа Разумовского из Москвы, поэтому народу собралось видимо-невидимо.

Большой тронный зал был украшен тысячами свечей, отражавшихся в зеркалах и хрустальных подвесках люстр. Воздух дрожал от жара, от запаха духов, пота и воска. Оркестр в углу играл менуэт, и пары кружились в медленном, торжественном танце, мерно вздыхая под звуки скрипок.

Екатерина вошла в зал как раз в тот момент, когда танец закончился. Её появление не прошло незамеченным: несколько голов повернулись, несколько глаз уставились на нее с любопытством и легким пренебрежением.

«Великая княгиня», — прошелестело по рядам.

«Вот она, та самая, что не может родить».

«Говорят, императрица уже подыскивает ей замену».

Екатерина шла через зал, высоко подняв голову, и улыбалась. Улыбалась так, словно не слышала этих шепотков. Улыбалась так, словно была не нищей немецкой принцессой, а царицей всех цариц.

Она заметила Петра в дальнем конце зала. Он стоял в кругу молодых офицеров и что-то им рассказывал, размахивая руками. По их смеху и снисходительным улыбкам было ясно: они не слушают его, но делают вид, что слушают, потому что он — наследник.

Рядом с Петром стояла его фаворитка — Елизавета Воронцова, толстая, румяная, с наглыми глазами и тяжелой челюстью. Она откровенно демонстрировала свое положение: стояла слишком близко к великому князю, касалась его руки, смеялась его шуткам громче всех.

Екатерина перевела взгляд. Она не ревновала. Она давно перестала ревновать. Теперь она смотрела на Воронцову с холодным любопытством зоолога, изучающего животное.

«Она — его любовница? — думала Екатерина. — Или просто дура, которая надеется стать императрицей, когда

Петр сгонит меня? Пусть надеется. У нее нет ни ума, ни красоты. Только наглость».

Она уже хотела отвернуться, но в этот момент в зале произошло что-то, что заставило всех замереть.

Смех стих. Разговоры смолкли. Даже музыканты, кажется, сбавили тон.

В дверях стоял молодой человек.

Он был высок, строен, с широкими плечами и тонкой талией, которую подчеркивал темно-синий кафтан, расшитый серебром. Его лицо — правильное, с высокими скулами и чуть насмешливым ртом — было красиво той опасной, почти порочной красотой, от которой женщины теряют голову, а мужчины — покой. Темные волосы были напудрены, как требовала мода, но из-под пудры пробивалась природная чернота — знак южной, страстной крови.

Но самое главное — его глаза. Большие, темные, с длинными ресницами, они смотрели на мир с такой смесью лени, ума и скрытой силы, что казалось, этот человек знает о жизни всё и ничему уже не удивляется.

Он вошел в зал не спеша, с чувством собственного достоинства, которое не имело ничего общего с чванством. Он знал себе цену, но не нуждался в том, чтобы демонстрировать это.

— Сергей Салтыков, — прошептал кто-то рядом с Екатериной. — Камергер. Друг великого князя.

Екатерина услышала это имя и почему-то вздрогнула.

Сердце пропустило удар.

Салтыков тем временем приблизился к Петру. Он поклонился — легко, изящно, с той непринужденностью, которая дается только урожденным аристократам — и сказал что-то, от чего Петр залился краской и расхохотался.

— Серж! — закричал Петр, хлопая его по плечу. — Серж, ты не поверишь, что я сегодня сделал! Я выиграл сражение при Гросс-Егерсдорфе!

— Ваше высочество всегда одерживает победы, даже когда их нет, — ответил Салтыков с улыбкой, в которой сквозила едва уловимая насмешка.

Петр не заметил насмешки — или не захотел замечать. Он увлек Салтыкова в сторону, начал что-то горячо рассказывать, жестикулируя.

Екатерина стояла в двадцати шагах и не могла оторвать взгляда.

«Кто он? — думала она. — Друг Петра? Значит, такой же пустой, как и он?»

Но что-то в глазах Салтыкова — в том, как они скользнули по залу и на мгновение остановились на ней — говорило обратное.

Он заметил ее. Это была не случайность. Среди сотни наряженных кукол он выбрал именно ее и смотрел так, словно видел перед собой не великую княгиню, а женщину.

Она опустила глаза. Щеки вспыхнули.

«Что со мной? — подумала она в панике. — Я веду себя

как девчонка».

Она поднесла веер к лицу, чтобы скрыть румянец, и отошла к окну, делая вид, что рассматривает иллюминацию в саду.

Но она чувствовала его взгляд. Он жег спину, как солнечный луч сквозь увеличительное стекло.

— Ваше высочество, — раздался вдруг голос прямо над ухом.

Екатерина вздрогнула и обернулась.

Салтыков стоял в полушаге от нее. Он каким-то чудом преодолел расстояние за секунду — и теперь смотрел на нее сверху вниз, чуть склонив голову.

— Позвольте представиться, — сказал он с легким поклоном. — Сергей Васильевич Салтыков. К вашим услугам.

Екатерина смотрела в его темные глаза и не могла вымолвить ни слова. Язык прилип к нёбу. Мысли разбегались.

— Я... — начала она, запнулась и кашлянула. — Я знаю, кто вы. Вы — друг моего мужа.

Салтыков улыбнулся. Улыбка у него была особенная — не широкая, а скорее трогательная, в уголках губ, и от этой улыбки на щеках появлялись две маленькие ямочки.

— Друг, — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Это, ваше высочество, громко сказано. Скорее собутыльник.

— Разве это не одно и то же? — спросила Екатерина, удивляясь собственной смелости.

— О, нет, — Салтыков покачал головой. — Друг предаст.

А собутыльник просто упадет под стол и заснет. Это гораздо безопаснее.

Она засмеялась. Сама не ожидала от себя такого — звонкого, чистого смеха, вырвавшегося из груди, словно птица из клетки.

— Вы забавный, — сказала она.

— Я стараюсь, — ответил он снова той же дьявольской улыбкой. — Жизнь слишком коротка, чтобы быть серьезным, не так ли?

В его голосе было что-то, что заставило ее внутренности сжаться. Низкий, чуть хриловатый тембр, с легкой картавостью, которая делала каждое слово интимным.

Они стояли друг напротив друга, и зал вокруг них словно исчез. Не было ни музыки, ни шепота, ни взглядов — только он и она.

— Ваше высочество, — вдруг раздался резкий голос Чоглоковой, возникшей из ниоткуда. — Великий князь вас ищет.

Екатерина вздрогнула, как от пощечины. Салтыков отступил на шаг, поклонился и, не сказав больше ни слова, растворился в толпе.

Чоглокова проводила его взглядом и перевела глаза на Екатерину. В ее взгляде читалось что-то новое — не привычное презрение, а... интерес.

— Вы сегодня хорошо выглядите, ваше высочество, — сказала она тихо. — Очень хорошо.

И ушла, оставив Екатерину одну у окна.

Великая княгиня смотрела вслед Салтыкову, чувствуя, как гулко стучит сердце и как странно, непривычно ноет внизу живота.

Она не знала, что это было. Или не хотела себе признаваться.

Но она знала одно: лед тронулся.

Глава 2: Бес интриги

Май 1752

Май выдался на диво теплым. Петербург, наконец, стряхнул с себя зимнюю оцепенелость, и Нева засверкала на солнце такой ослепительной синью, что на нее больно было смотреть. В Летнем саду уже всюду зеленели деревья, и воздух пах молодой листвой, сырой землей и чем-то еще — тем обещанием счастья, которое всегда приходит вместе с весной и так редко сбывается.

Екатерина сидела на скамье под старым дубом и смотрела, как фрейлины гоняются за мячом. Их звонкие крики, легкие платья, развевающиеся на ветру ленты — все это казалось ей чужой, неинтересной игрой. Она держала на коленях раскрытую книгу — очередной роман Вольтера, — но не читала. Взгляд скользил по строчкам, а мысли были далеко.

Прошло три недели с того бала. Три недели, как она впервые увидела Салтыкова. И все эти три недели она ловила себя на том, что думает о нем. Его лицо возникало перед глазами в самые неподходящие моменты — когда она пила утренний шоколад, когда слушала доклад Чоглоковой о хозяйственных делах, когда лежала в постели, глядя в темный потолок.

«Глупость, — сказала она себе в который раз. — Просто глупость. Он — друг мужа. И просто красив. Этим всё ска-

зано».

Но она знала, что это не так. В том взгляде, которым он одарил ее на балу, было что-то большее, чем обычная куртуазность. Что-то, от чего у нее перехватывало дыхание.

— Ваше высочество, — раздался голос за спиной.

Екатерина вздрогнула и обернулась.

Перед ней стоял Салтыков.

Сегодня он был в светло-голубом кафтане, расшитом серебряными нитями, с тонким кружевным жабо у горла. Напудренные волосы убраны назад, открывая высокий, гладкий лоб и темные, глубоко посаженные глаза. В руках он держал шляпу с плюмажем и улыбался той самой улыбкой — трогательной, чуть насмешливой, с ямочками на щеках.

— Сергей Васильевич, — произнесла Екатерина, и голос ее прозвучал глуше, чем ей хотелось бы. — Какими судьбами?

— Великий князь прислал меня засвидетельствовать вам свое почтение, — ответил Салтыков, склоняясь в изящном поклоне. — Он занят с гвардейцами и просит вас не скучать без него.

В его голосе не было и тени насмешки над Петром. Только легкая, едва уловимая ирония, которую могла заметить только очень внимательная женщина.

— Передайте его высочеству, что я благодарна за заботу, — сказала Екатерина официально. — И что я всегда рада видеть его, когда у него находится для меня время.

Она сделала ударение на последних словах, и Салтыков, кажется, понял.

— Ваше высочество, — сказал он, делая шаг вперед, — позволите ли присесть рядом? Солнце сегодня немилосердно, а мне не хочется падать в обморок к ногам вашим. Это было бы недостойно камергера.

Екатерина невольно улыбнулась. Она кивнула, и Салтыков опустился на скамью рядом с ней — достаточно близко, чтобы она чувствовала запах его духов: терпкий, с нотками амбры и мускуса.

— Как вам нравится Петербург весной? — спросил он, глядя на фрейлин. — Многие говорят, что наше лето похоже на плохую шутку: неделя тепла — и месяц дождей.

— Я люблю весну, — ответила Екатерина. — Везде. В Штеттине весной пахло морем и рыбой. Здесь — свежей землей. Это другое, но тоже прекрасно.

— Вы скучаете по Штеттину? — спросил Салтыков, и в его голосе вдруг появилась серьезность.

Екатерина задумалась. Станный вопрос. Никто из придворных не спрашивал ее об этом. Им было все равно. Она была великой княгиней, и ее прошлое не имело значения.

— Я скучаю по детству, — сказала она наконец. — Но не по месту. Детство — оно везде одинаковое. Заботы, радости, обиды. А потом наступает взрослая жизнь, и выясняется, что ты совсем не готов к тому, что на тебя сваливается.

— О, — Салтыков приподнял бровь. — Это звучит как

жалоба на судьбу.

— Это звучит как констатация факта, — возразила Екатерина, поворачиваясь к нему. — Я не жалуюсь. Жаловаться — удел слабых. А я, Сергей Васильевич, вынуждена быть сильной.

Они смотрели друг на друга несколько секунд — дольше, чем позволял этикет. Екатерина почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она отвела глаза первой.

— Вы интересный собеседник, — сказала она примирительно. — Не ожидала от друга моего мужа.

— А что вы ожидали? — спросил Салтыков, и в его голосе послышалось искреннее любопытство.

— Не знаю, — честно ответила Екатерина. — Глупых шуток. Рассказов о пьянках. Пересказа военных маневров, на которых я ничего не понимаю.

— Я могу рассказывать и о другом, — сказал Салтыков тихо. — О Париже, где женщины носят платья, открывающие грудь, и никто не считает это неприличным. О Венеции, где гондольеры поют серенады под окнами своих возлюбленных. О Лондоне, где мужчины дерутся на дуэлях из-за одной улыбки.

Он говорил, и его голос звучал как музыка. Низкий, чуть хрипловатый, он обволакивал, заставлял забыть обо всем на свете.

— Вы много путешествовали? — спросила Екатерина, чувствуя, как ее щеки розовеют.

— Достаточно, чтобы понять, — Салтыков наклонился к ней, и его дыхание коснулось ее уха, — что самое прекрасное в жизни — это любовь. Не война, не политика, не богатство. А любовь.

Он произнес это слово так, что оно прозвучало как непристойность. Екатерина почувствовала, как внутри разливается тепло — чужое, враждебное, запретное.

— Вы слишком смелы, камергер, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал холодно. — Я замужняя женщина.

— Я знаю, ваше высочество, — ответил Салтыков, откидываясь на спинку скамьи. — И это делает вас еще более прекрасной.

Он взял ее руку — этот жест был вполне в рамках приличий — и поднес к губам.

— Я ваш вечный слуга, ваше высочество, — прошептал он, и его губы коснулись ее пальцев сквозь тонкую перчатку.

Екатерина почувствовала тепло. Даже сквозь шелк перчатки она чувствовала жар его губ. Это было невыносимо.

Она резко выдернула руку, встала и, не сказав ни слова, быстрым шагом направилась к дворцу.

Фрейлины удивленно переглянулись.

Салтыков остался сидеть на скамье. Он смотрел ей вслед и улыбался.

— Игра началась, — прошептал он одними губами.

Петр Федорович был в своем любимом расположении ду-

ха — после двух стаканов венгерского и хорошей новости.

Новость заключалась в том, что ему наконец доставили из Голштинии партию новых мундиров для его личной гвардии. Они лежали на столе в его кабинете — синие с красным, с медными пуговицами и серебряными аксельбантами. Петр ходил вокруг них, поглаживал рукава, придирчиво осматривал швы и довольно крякал.

— Идеально! — воскликнул он. — Просто идеально! Посмотри, Серж, какой крой! Какая ткань! В Голштинии знают толк в военной форме, а не как здесь... — Он махнул рукой в сторону окна, за которым виднелся Петербург.

Салтыков стоял у двери и смотрел на великого князя с выражением, которое можно было бы назвать почти отцовским. Если бы Салтыков был всего на пять лет старше Петра, а не на два.

— Превосходно, ваше высочество, — сказал он. — Ваши солдаты будут выглядеть как на параде в Берлине.

— В Берлине! — Петр мечтательно закатил глаза. — Вот где настоящая армия! Не чета этим... — Он снова махнул рукой. — Не чета нашим.

Он подошел к столу, налил себе еще вина и выпил залпом.

— Кстати, о наших, — сказал он, вытирая губы рукавом. — Ты видел мою жену?

— Имел честь, ваше высочество, — ответил Салтыков, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно. — Она гуляла в саду.

— Скучает, поди, — Петр усмехнулся. — Все книги читает. Я ей говорю: брось ты эти французские глупости, возьми ружье, постреляй. А она: «Ах, ваше высочество, мне нездоровится». — Он скривился, изображая женский голос. — Вечно ей нездоровится.

— Может быть, ей просто скучно, — осторожно заметил Салтыков.

— Скучно? — Петр пожал плечами. — А мне не скучно? Я что, должен развлекать ее? У нее есть фрейлины, есть книги, есть собаки. Чего еще надо?

Он замолчал, задумался, потом повернулся к Салтыкову.

— Слушай, Серж, — сказал он, и в его голосе появилась та интонация, которую Салтыков узнал: Петр собирался сделать ему «одолжение». — Погуляй с ней сегодня. Отведи ее куда-нибудь. В Ораниенбаум, например. Покажи ей парк. А то она совсем скисла. А я... я с солдатами. У меня учение.

Салтыкову потребовалось все его самообладание, чтобы не выдать своего торжества.

— Если вы приказываете, ваше высочество, — сказал он с поклоном.

— Приказываю, — Петр махнул рукой. — Давно пора. Пусть хоть кто-то позабавит ее. А то императрица опять будет ко мне приставать: «Что ж ты, Петр, жену забыл?» А я ничего не забыл. Просто мне некогда.

Он подошел к окну, посмотрел на плац, где уже строились солдаты, и его лицо просветлело.

— Иди, иди, — сказал он, не оборачиваясь. — Скажи ей, что это мое повеление. Пусть собирается.

Салтыков поклонился и вышел.

В коридоре он остановился, прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Сердце колотилось где-то в горле.

«Он сам отдает ее мне, — подумал он с изумлением. — Сам. Как будто старую ненужную вещь».

Он вспомнил лицо Екатерины в саду — бледное, с горящими глазами, с легким румянцем, который так шел ей. Он вспомнил, как она выдернула руку, как быстро пошла прочь. Она боялась. Боялась не его — себя.

«Что ж, — подумал Салтыков, поправляя кружевное жабо. — Бояться — это хорошо. Значит, не безразлично».

Он зашагал к покоям великой княгини, чувствуя себя охотником, который наконец напал на след.

Ораниенбаум встретил их соленым ветром с залива и криками чаек.

Екатерина вышла из кареты, и юбки ее светло-серого платья тут же намокли от росы. Она подобрала их одной рукой, другой взялась за поданную Салтыковым руку и ступила на мокрый песок.

Они приехали втроем: она, Салтыков и Чоглокова, которая получила строжайшее указание от императрицы «не мешать, но и не выпускать из виду». Мария Симоновна держалась в двадцати шагах, делая вид, что рассматривает цветы,

но на самом деле не сводя с них глаз.

Ораниенбаумский парк был еще молод — деревья только начинали разрастаться, и аллеи казались слишком прямыми, слишком правильными. Но в этом была своя прелесть: геометрия, порядок, гармония. Как будто кто-то расчертил землю по линейке и сказал: «Здесь будет красота».

— Вы знаете, что значит «Ораниенбаум»? — спросил Салтыков, ведя Екатерину по центральной аллее.

— Померанцевое дерево, — ответила Екатерина. — По-немецки.

— Вы знаете немецкий, — улыбнулся Салтыков. — И французский. И, я слышал, немного итальянский.

— Я много читаю, — сказала Екатерина. — У меня много свободного времени.

— И это время вы убиваете на книги, — покачал головой Салтыков. — Вместо того чтобы жить.

— А что вы называете жизнью, Сергей Васильевич? — спросила Екатерина, останавливаясь у фонтана. — Балы? Интриги? Карты?

— Всё это, — ответил Салтыков, глядя на струи воды, взлетающие вверх и рассыпавшиеся тысячами брызг. — И еще кое-что.

— Что же?

— Ощущение, что ты живешь не зря. Что каждый день, каждый час приносит что-то новое. Что ты не просто существуешь, а... чувствуешь.

Он повернулся к ней. Солнце стояло у него за спиной, и лицо его было в тени, но глаза горели — два темных огня.

— Вы когда-нибудь чувствовали, что живете по-настоящему, ваше высочество? — спросил он тихо.

Екатерина задумалась. Вопрос был не праздным.

— Не помню, — сказала она честно. — Может быть, когда была маленькой. Когда мы с братьями бегали по штеттинским улицам, и мать ругала нас за порванные платья. Тогда... тогда да. Я чувствовала.

— А теперь?

— Теперь я — великая княгиня, — сказала Екатерина, и в ее голосе прозвучала такая горечь, что Салтыков невольно сделал шаг назад. — Теперь каждый мой шаг — это политика. Каждое слово — это дипломатия. Каждая улыбка — это расчет. Я не могу позволить себе чувствовать. Чувства — это роскошь, которую я не могу себе позволить.

— Это неправда, — сказал Салтыков.

Он взял ее за руку — не для поцелуя, а просто так, пальцы к пальцам.

— Каждый человек имеет право на чувства, — продолжал он. — Даже император. Даже папа римский. Даже вы.

Его ладонь была теплой и сухой. Екатерина почувствовала, как ее пальцы сами собой сжимаются в ответ.

— Вы слишком смелы, — повторила она, но теперь эти слова прозвучали не как упрек, а как признание.

— А вы слишком красивы, чтобы быть несчастной, — от-

ветил Салтыков.

Он поднес ее руку к губам и на этот раз поцеловал не перчатку — он отодвинул кружево и коснулся губами обнаженного запястья.

Екатерина вздрогнула, словно от удара током.

— Сергей Васильевич, — прошептала она.

— Тише, — сказал он, не отпуская ее руки. — Мария Симоновна не смотрит. Она увлеклась кустами.

Действительно, Чоглокова отвернулась, делая вид, что разглядывает клумбу с тюльпанами.

— Вы хотите меня погубить? — спросила Екатерина, пытаясь выдернуть руку, но он держал крепко.

— Я хочу вас спасти, — ответил Салтыков. — От одиночества. От тоски. От жизни, в которой нет места любви.

— Любви? — Екатерина усмехнулась. — Вы говорите о любви, камергер? Вы, у которого есть жена? У которого есть карьера, которую надо делать? У которого есть приказы императрицы?

Она сказала это, и сама испугалась. Слишком много. Слишком откровенно.

Салтыков на мгновение замер, но его лицо не дрогнуло.

— Вы умны, ваше высочество, — сказал он спокойно. — Умны и проницательны. Да, у меня есть жена. Да, я должен делать карьеру. Да, императрица... — он запнулся, — императрица желает, чтобы я был к вам внимателен.

— Желает, чтобы вы сделали мне ребенка, — поправила

Екатерина, и в ее голосе зазвучала сталь.

Салтыков отпустил ее руку.

— Да, — сказал он просто. — Императрица Елизавета Петровна приказала мне... помочь вам выполнить свой долг перед династией.

Наступила тишина. Слышно было только, как плещется вода в фонтане да кричат чайки над заливом.

Екатерина стояла, глядя на Салтыкова, и ее лицо было непроницаемо.

— И вы согласились, — сказала она.

— Я не мог отказать императрице, — ответил он.

— И вы не боитесь, что я расскажу всё мужу? Или самой императрице?

— Не расскажете, — уверенно сказал Салтыков. — Потому что вы умны. И потому что вы хотите жить.

Екатерина долго смотрела на него. Потом вдруг рассмеялась — тихо, горько, почти истерически.

— Замечательно, — сказала она. — Просто замечательно. Значит, я — инкубатор. А вы — осеменитель. И мы оба знаем об этом. И будем играть свои роли до тех пор, пока я не забеременею или пока императрица не пошлет нас обоих в Сибирь.

— Я надеюсь, что до Сибири не дойдет, — сказал Салтыков, и в его голосе впервые прозвучала искренность.

— Надейтесь, — сказала Екатерина.

Она развернулась и пошла к карете, не дожидаясь его.

Чоглокова, заметив движение, поспешила за ней.

Салтыков остался у фонтана.

Он смотрел вслед уходящей великой княгине и думал о том, что эта женщина опаснее, чем он предполагал. Умная. Холодная. Но в то же время — живая. Он видел огонь в ее глазах. Он чувствовал, как дрожала ее рука в его руке.

«С ней нельзя играть, — подумал он. — С ней нужно быть честным. Или хотя бы казаться честным».

Он вздохнул, поправил жабо и пошел к карете.

Ночь опустилась на Петербург тяжелым бархатным покрывалом.

В своих покоях Екатерина сидела у окна и смотрела на темную Неву. Вода казалась черной, непроглядной, и только редкие огоньки на противоположном берегу отражались в ней дрожащими золотыми полосками.

Она была одна. Фрейлин она отослала. Горничной велела не входить до утра. Ей хотелось побыть наедине с собой — с той, которую она увидела сегодня.

«Ты — инкубатор», — сказала она себе. — «Ты — сосуд. Ты — никто».

Она вспомнила лицо Салтыкова, когда он говорил о приказе императрицы. Ни тени смущения. Ни тени вины. Спокойствие человека, который знает, что делает, и не собирается оправдываться.

«Но он прав, — подумала она. — Я хочу жить. И если

для этого нужно лечь с ним в постель, я лягу. Если для этого нужно родить ребенка, я рожу. Даже если ребенок будет не от мужа».

Она встала, подошла к стене, где висел портрет Петра — его парадное изображение в латах и с жезлом, — и долго смотрела на него.

— Ты проиграл, — прошептала она портрету. — Ты сам отдал меня ему. Сам.

Она вспомнила, как Петр утром, перед их отъездом, обнял ее — первый раз за много месяцев — и сказал: «Погуляй, развейся. А то ты совсем скучная стала». И в его голосе не было ни капли ревности. Ни капли.

Он был слеп. Или ему было все равно. Или он просто не хотел замечать того, что происходило у него под носом.

«Глупец, — подумала Екатерина. — Бездарный, никчемный глупец».

Она отвернулась от портрета, подошла к кровати и села на край. Ее платье — то самое, серое — все еще было на ней, и она машинально принялась расстегивать пуговицы.

Ее пальцы дрожали.

«Ты не имеешь права бояться, — сказала она себе. — Ты — великая княгиня. Ты — будущая императрица. Ты должна быть сильной».

Она сбросила платье, осталась в одной сорочке и подошла к зеркалу.

Из мутного стекла на нее смотрела молодая женщина

с распущенными волосами, с бледным лицом и горящими глазами. Тонкие ключицы, небольшая грудь, тонкая талия, длинные ноги.

«Мое тело, — подумала она. — Мое тело — это мое оружие. Если я научусь им пользоваться, я смогу все. Смогу пережить Петра. Смогу пережить Елизавету. Смогу стать той, кем хочу».

Она провела рукой по животу. Плоскому, пустому, бесплодному.

— Ты наполнишься, — прошептала она. — Ты носишь наследника. Я сделаю всё, чтобы ты носило.

Она повернулась и посмотрела на портрет мужа.

— Прощай, — сказала она. — Мы больше не муж и жена. Мы — союзники. Или враги. Посмотрим.

Она легла в постель, но не закрыла глаза.

В голове крутились мысли. О Салтыкове. О приказе императрицы. О том, что ждет ее впереди.

«Я — пешка, — подумала она. — Но пешка, которая может пройти в ферзи. Нужно только правильно ходить».

Она улыбнулась в темноте.

Игра началась.

Глава 3: Первый поцелуй

Июнь 1752

Июнь выдался душным.

Весь день над Петербургом висели тяжелые, свинцовые тучи, но дождь так и не решался разразиться. Воздух стал густым и влажным, как перед грозой, и даже в просторных залах Летнего дворца было нечем дышать. Слуги обмахивали свечи от мотыльков, а фрейлины то и дело прикладывались к надушенным платочкам, спасаясь от духоты.

К вечеру небо окончательно потемнело. В окнах Большой гостиной, где собрались придворные на вечернюю карточную игру, отражались первые всполохи молний — далекие, но уже пугающие. Ветер с Невы налетал порывами, заставляя дребезжать стекла в высоких оконных рамах.

Екатерина сидела в углу у камина, хотя огня давно уже не было, и делала вид, что читает французский роман. На самом деле она следила за Салтыковым.

Он находился в противоположном конце зала, в кругу молодых офицеров, и что-то им рассказывал. Она не слышала слов, но видела, как двигались его губы, как взлетала в жесте рука с тонкими пальцами, как блестели в свете свечей темные глаза. Он был неотразим. И она ненавидела себя за то, что замечала это.

Прошло три недели с той прогулки в Ораниенбауме. Три

недели, как она знала правду: Салтыков прислан императрицей. Три недели, как она притворялась, что ничего не изменилось. Но все изменилось. Она стала замечать его везде. На обедах, на балах, в коридорах. Ей казалось, что он специально оказывается рядом, когда она поворачивает за угол. Что он смотрит на нее дольше, чем позволяют приличия. Что его случайные прикосновения — когда он подавал ей руку, помогая выйти из кареты, или передавал веер — были слишком долгими, слишком теплыми.

Она не спала ночами. Лежала в темноте, смотрела в потолок и думала о нем. О том, каково это — быть с мужчиной, который хочет тебя. Не потому, что так велела императрица. А потому, что не может иначе.

«Глупость, — говорила она себе. — Ты играешь в опасную игру. Ты — пешка. Он — пешка. Играют другие».

Но тело не слушалось доводов рассудка. Ей хотелось, чтобы он подошел. Чтобы заговорил. Чтобы сделал что-то — неважно что, — лишь бы разорвать эту напряженную тишину, в которой она задыхалась.

Грянул гром.

Так близко, что стекла задрожали, а одна из фрейлин взвизгнула и выронила веер.

В тот же миг погасли свечи.

Все погрузилось в темноту — густую, непроглядную, как в погреб. Кто-то засмеялся нервно, кто-то выругался. П слышались голоса слуг, забежавших с фонарями.

— Не извольте беспокоиться, ваше высочество! — крикнул чей-то голос. — Сейчас подадут свечи!

Екатерина встала, ощупью находя дорогу. Она хотела выйти в коридор, где было больше воздуха, но на пути наткнулась на чье-то кресло, потом на чью-то руку. Извинилась, сделала шаг в сторону и почувствовала, как кто-то берет ее за локоть.

— Не спешите, ваше высочество, — раздался над ухом тихий, хрипловатый голос. — В темноте легко сломать шею. Салтыков.

Ее сердце пропустило удар.

— Я не боюсь темноты, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— А зря, — сказал он. — В темноте случаются самые интересные вещи.

Он не отпускал ее локоть. Вместо этого он повел ее куда-то в сторону — в обход кресел, мимо столов, к выходу из гостиной. Она не сопротивлялась. Она вообще не могла пошевелиться.

Они вышли в коридор. Здесь было темно, но не так, как в зале: слабый свет пробивался из дальних окон, где молнии то и дело озаряли небо белыми вспышками.

— Куда вы меня ведете? — спросила Екатерина, когда они завернули за угол.

— Туда, где нас никто не увидит, — ответил Салтыков просто.

Он остановился у мраморной колонны, под которой в нише стояла античная статуя, и прижал ее к холодному камню. Его лицо было совсем близко — в свете очередной молнии она увидела его глаза, расширенные зрачки, влажные губы.

— Вы с ума сошли, — прошептала она. — Нас увидят.

— Никого нет, — сказал он. — Все в зале. Слуги бегают с фонарями, но не сюда. Сюда никто не придет.

Он говорил уверенно, спокойно, словно знал это наверняка.

— Что вам нужно? — спросила Екатерина, чувствуя, как колотится сердце где-то в горле.

Он усмехнулся.

— То же, что и всегда, ваше высочество. Я ваш вечный слуга.

— Лжете, — выдохнула она.

— Да, — согласился он без тени смущения. — Но вы хотите, чтобы я лгал. Потому что правда слишком страшна.

Он провел пальцем по ее щеке — от виска до подбородка, легко, как перышком. Екатерина вздрогнула, но не отодвинулась.

— Вы дрожите, — сказал он. — От холода или от меня?

— От вас, — прошептала она, и это признание вырвалось помимо ее воли, как крик во сне.

Салтыков замер. На секунду его самоуверенность исчезла, и она увидела в его глазах что-то настоящее — не игру, не расчет, а то самое, чего так боялась.

— Екатерина, — сказал он впервые без титула, по имени, и это прозвучало так интимно, так запретно, что у нее подкосились ноги. — Я схожу с ума. Я не могу есть, не могу спать. Я вижу вас во сне. Я считаю минуты до нашей следующей встречи.

— Не надо, — прошептала она.

— Надо, — ответил он. — Потому что, если я не скажу сейчас, я закричу.

Он придвинулся еще ближе, и она почувствовала его дыхание на своих губах — горячее, с запахом вина и мяты.

— Вы хотите меня? — спросил он прямо, без обиняков.

Екатерина закрыла глаза. В голове шумело. Правила, приличия, страх — всё это исчезло, растворилось в темноте, остались только они двое и эта безумная, пульсирующая близость.

— Да, — сказала она.

Он поцеловал ее.

Первый поцелуй был долгим, влажным, отчаянным. Он целовал так, словно хотел выпить ее до дна — сильно, жадно, с нажимом. Его руки скользнули по ее спине, прижимая к колонне, и она чувствовала мрамор сквозь тонкую ткань платья — холодный, шершавый.

Она отвечала — сама не зная как, не умея, но отвечала, потому что тело знало то, чего не знал разум. Ее пальцы вцепились в его камзол, притягивая ближе.

Гром грянул снова, заглушая их прерывистое дыхание.

Он оторвался от ее губ, перевел дыхание, прижался лбом к ее лбу.

— Боже мой, — прошептал он. — Что вы со мной делаете?

— Я ничего не делаю, — ответила она, не открывая глаз.
— Это вы делаете.

— Я не могу остановиться, — сказал он.

— И не надо, — прошептала она.

В коридоре слышались шаги.

Салтыков мгновенно отстранился, отступил на шаг, поправил камзол. Екатерина прижалась спиной к колонне, пытаясь унять дрожь.

Из-за угла выскочил лакей с фонарем. Он пробежал мимо, даже не заметив их в темноте.

— Нас могли увидеть, — прошептала Екатерина, когда шаги затихли.

— Не увидели, — ответил Салтыков. — Я бы не допустил.

Он взял ее за руку, поднес к губам, поцеловал пальцы — не перчатку, а сквозь кружево, как тогда, в Ораниенбауме.

— Вам пора возвращаться, — сказал он. — Скоро подадут свечи.

— А вам? — спросила она.

— Я подожду, — ответил он. — Иначе мы не уйдем отсюда.

Она кивнула, поправила платье, провела рукой по волосам — растрепались ли? — и быстрым шагом направилась

обратно в зал.

В гостиной уже зажигали свечи. Слуги сновали туда-сюда, извинялись, кланялись. Никто не обратил внимания на великую княгиню, вернувшуюся из темноты.

Она села на свое место, взяла книгу, открыла на первой попавшейся странице.

Ее руки дрожали. Губы горели.

Она коснулась их кончиками пальцев и закрыла глаза.

«Что же я делаю? — подумала она. — Что же я делаю?»

Но внутри, глубоко, там, где разум не имел власти, росло что-то теплое и опасное. Чувство, которое она запрещала себе семь лет.

Она была жива.

Впервые за семь лет — по-настоящему жива.

На следующий день Екатерина проснулась с твердым решением.

«Я должна прекратить это, — сказала она себе, глядя в потолок. — Должна. Пока не поздно».

Она повернулась на бок, и в голове всплыло вчерашнее: его губы, его руки, его шепот. Она застонала и уткнулась лицом в подушку.

— Глупая, — прошептала она в полотно. — Какая же ты глупая.

Она позвала горничную, оделась, привела себя в порядок и направилась к Чоглоковой.

Мария Симоновна принимала в своей маленькой гостиной на втором этаже. Она сидела в кресле с вязанием в руках — толстые пальцы ловко перебирали спицы, создавая бесконечное кружево, которое никто никогда не носил.

— Ваше высочество, — сказала она, когда Екатерина вошла, и сделала попытку встать. — Чем обязана?

— Останьтесь, Мария Симоновна, — сказала Екатерина, садясь напротив. — У меня к вам разговор.

Чоглокова отложила вязание, сложила руки на коленях и уставилась на великую княгиню своими маленькими, хитрыми глазками.

— Я слушаю.

Екатерина помолчала, собираясь с мыслями. Она готовила эту речь всю дорогу.

— Я хочу пожаловаться на камергера Салтыкова, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно и обиженно. — Его поведение по отношению ко мне... назойливо. Он постоянно оказывается рядом. Он заговаривает со мной без приглашения. Он смотрит на меня так, что... мне это неприятно.

Чоглокова молчала. Ее лицо не выражало ровным счетом ничего — ни удивления, ни гнева, ни сочувствия.

— Вчера, во время грозы, — продолжала Екатерина, набирая обороты, — когда погасли свечи, он нашел меня в темноте. Он... он позволил себе лишнее.

— Что именно? — спросила Чоглокова, и в ее голосе слышалось любопытство.

— Он взял меня за руку, — сказала Екатерина. — И не отпускал.

Чоглокова кивнула медленно, задумчиво.

— И вы хотите, чтобы я доложила императрице? — спросила она.

— Я хочу, чтобы его одернули, — сказала Екатерина. — Чтобы он знал свое место.

Чоглокова посмотрела на нее долгим, испытующим взглядом. Потом на ее губах заиграла странная улыбка — не добрая, не злая, а какая-то понимающая, что ли.

— Ваше высочество, — сказала она, подаваясь вперед. — Позвольте мне дать вам совет. Как женщина — женщине.

— Я слушаю, — сказала Екатерина, хотя внутренне вся сжалась.

— Вы молоды, — сказала Чоглокова. — Красивы. Ваш муж... ну, мы обе знаем, каков ваш муж. Императрица ждет наследника. Ждет давно. И ее терпение на исходе.

Она помолчала, давая словам осесть.

— А тут появляется молодой, красивый мужчина, который смотрит на вас с желанием. Который готов на всё, чтобы вы заметили его. И вы хотите на него жаловаться? — Чоглокова покачала головой. — Не гневите Бога, ваше высочество. И императрицу.

Екатерина опустила глаза, делая вид, что смущена.

— Вы хотите сказать... — начала она.

— Я хочу сказать, — перебила Чоглокова, — что сговор-

чивость иногда бывает полезнее строгости. Не отталкивайте то, что может принести пользу. Подумайте об этом.

Она снова взялась за вязание, давая понять, что разговор окончен.

Екатерина встала.

— Благодарю за совет, Мария Симоновна, — сказала она и вышла.

В коридоре она остановилась, прислонилась спиной к стене и выдохнула.

«Она знает, — подумала Екатерина. — Она всё знает. И императрица знает. И Салтыков знает. Все знают, кроме Петра».

Она усмехнулась.

Жалоба была частью игры. Чоглокова должна была доложить Елизавете, что великая княгиня «сопротивляется» — для вида, чтобы сохранить видимость приличий. А Елизавета должна была «образумить» строптивую невестку, намекнув, что не стоит противиться судьбе.

Всё было расписано, как в театре.

И Екатерина играла свою роль.

«Только вот, — подумала она, спускаясь по лестнице, — я уже не играю. Я хочу этого сама».

Она не знала, что страшнее — притворство или правда.

Тайное свидание в оранжерее состоялось через три дня. Салтыков прислал записку — через верного камердине-

ра, который служил ему еще с детства. В записке было всего несколько слов: «Завтра в полночь. Оранжерея. Жду».

Екатерина прочитала, сожгла на свече и весь следующий день ходила сама не своя. Фрейлины заметили ее состояние, но списали на духоту и приближающуюся грозу.

Ночью, когда дворец затих, она накинула темный плащ и выскользнула из спальни. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно во всем коридоре.

Оранжерея находилась в южном крыле дворца — стеклянная галерея, где круглый год цвели апельсиновые деревья. Днем там было солнечно и радостно, но ночью — таинственно и страшно. Луна заливала стеклянные стены бледным светом, и тени от ветвей танцевали на полу, как привидения.

Салтыков ждал ее у входа.

Он был в темном камзоле, без парика, с распущенными волосами, падавшими на плечи. В лунном свете его лицо казалось высеченным из мрамора — прекрасным и холодным.

— Вы пришли, — сказал он, и в его голосе прозвучало облегчение.

— Вы сомневались? — спросила Екатерина, подходя ближе.

— Боялся, — честно ответил он.

Он взял ее за руку и повел вглубь оранжереи, между кадок с деревьями. Пахло землей, цветами и чем-то терпким, сладким — апельсиновым.

Они остановились в самом дальнем углу, где стеклянная стена выходила на Неву. Река блестела внизу, черная и холодная, а на противоположном берегу горели редкие огни.

— Нас никто не найдет? — спросила Екатерина, оглядываясь.

— Никто, — сказал Салтыков. — Я заплатил сторожу. Он будет молчать.

Он повернулся к ней, взял ее лицо в ладони.

— Вы прекрасны, — сказал он. — Вы даже не представляете, как прекрасны.

— Не надо комплиментов, — сказала Екатерина. — Я пришла не за этим.

— А за чем? — спросил он.

Она помолчала.

— Я пришла сказать, что боюсь.

— Чего?

— Всего, — сказала она. — Этого. Вас. Себя. Я не знаю, что делаю. Я не знаю, куда это приведет. Я боюсь, что... что я не смогу остановиться.

Он погладил ее по щеке большим пальцем.

— А зачем останавливаться? — спросил он тихо.

— Это грех, — сказала Екатерина. — Я замужем. Я великая княгиня. Я давала клятву.

— Клятву кому? — спросил Салтыков. — Богу? А вы верите в Бога, ваше высочество? По-настоящему?

Она промолчала.

— Я тоже нет, — сказал он. — Я верю в жизнь. В то, что она дается один раз. И что глупо тратить ее на то, чтобы быть несчастной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.